

Концы на Устюге в Средневековье и раннее Новое время¹

М. С. Черкасова

*...Не ходи на тот конец,
Не носи девкам колец.
(из народной песни).*

Для современного этапа изучения городов средневековой Руси характерен интерес исследователей к генезису и эволюции их административно-территориальных структур — половин, третей, концов, сотен, улиц, сороков, приходов. Проблему городских концов в широком сравнительно-историческом плане рассмотрел ещё А. В. Арциховский². Исследователь понимал концы вечаевого Новгорода Великого как самоуправляющиеся районы, из которых он складывался со своим федеративным устройством, и связывал их с военной организацией. В этом плане обычно приводится известная летописная статья о походе новгородской дружины Даныслава Лазутиничича в Заволочье в 1169 г. за данью, численность которой состояла из 500 чел. (предположительно по 100 от каждого конца). Как единая составная часть Новгорода понимается конец и в современной историографии³. Учёным были отмечены концы во Пскове (шесть), новгородских пригородах Старой Руссе, Ладоге, Кореле, а также в Ростове (Чудский, упомянутый в Житии Авраамия Ростовского), Смоленске, Серпухове, Москве, Твери, Туле, Нижнем Новгороде. Список таких городов может быть расширен. Например, в сотной с писцовых книг Устюжны Железопольской 1567 г. фигурирует Троицкий конец, в составе которого указано три приходских церкви, имевших жилые деревни в Середцеком стане уезда⁴.

Арциховский также обратил внимание и на Леонтьевский конец в Великом Устюге в сотной книге 1630 г.⁵, но специально его происхождение не исследовал. Проводя западно-славянские параллели, он выводил этимологию слова «конец» от «контин-кончин» балтийских славян как общественных мест их собраний, совещаний, игр, празднеств, происходивших в характерных островерких

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 12–01–00117: Подготовка издания «Переписные книги Великого Устюга начала XVIII в.: Исследование и тексты».

² Арциховский А. В. Городские концы в древней Руси // Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 3–13. См. также: Степанова Л. Г. К дискуссии о территориальном делении Новгородской земли // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузов. тематич. сборник науч. тр. Калининград, 2012. Вып. 19. С. 5–13.

³ Свердлов М. Б. О названии новгородского Славенского конца // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 15–17.

⁴ Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 144, 155 (публ. Ю. С. Васильева и Н. П. Воскобойниковой).

⁵ Арциховский А. В. Городские концы... С. 12 и примеч. 5.

(остроконечных) храмах. Эти контини-кончины, в свою очередь, могут быть объяснены из латинского *continegre* — заключать в себе, содержать, вмещать.

Б. А. Рыбаков связал проблему концов с сотенным и пятинным делением Новгородской земли и Новгорода. Он считал, что десять сотен, сформированных княжеской властью в XII–XIII вв., сегментами располагались вокруг города и были сведены в пять концов, а пятины образовались из попарного соединения сотен⁶.

Наблюдения и выводы Арциховского были восприняты и развиты далее в масштабной статье Л. А. Фадеева⁷. Слово «концы» объяснялось им из однокоренных старославянских слов «конъ», «испоконъ», «поконъ» (вирный в Русской Правде. — М. Ч.; в ней же в статье о своде: «вести по конам...»). Генезис данного явления он увидел в древней практике общинных судов, правовом регулировании межобщинных отношений. «Конъ» как начало и вместе с тем предел, конец, некая межа, рубеж, ряд, порядок (суд, совет), междукняжеское докончание (договор), очередь, раз. Конъ как ассоциация родовых посёлков с дуально-экзогамной организацией. В этом плане, добавлю от себя, предложенные как «эпиграф» слова известной Руслановской песни получают дополнительное историческое обоснование... Можно понимать конец и как группу связанных между собой деревень, и как традиционную часть города. Этимологические построения Фадеева А. А. Куза в своей рецензии на сборник «Русский город» посчитал любопытными, но спорными⁸.

Рассматривая боярскую патронимию как основу новгородских концов (совокупностей родовых посёлков), В. Л. Янин выделял в ней такие важные признаки, как религиозное капище, родовое кладбище и место вечевых собраний. Ряд критических соображений относительно «патронимических» версий происхождения новгородских концов (В. Л. Янина и М. Х. Алешковского) высказал Ю. Г. Алексеев. Автор считает первоначальной формой существования концов не привилегированную боярскую семью-патронимию, а территориальную общину равноправных членов⁹. Это мнение было поддержано и подкреплено трактовкой археологических материалов В. А. Буровым¹⁰.

Достигнутое к настоящему времени понимание проблемы концов (неких территориальных образований) позволяет выделить в них два основных вида: 1) концы в значении изначальных структурообразующих и самоуправлявшихся подразделений; 2) концы в чисто топографическом, пространственном смысле

⁶ Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 132–152.

⁷ Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов // Русский город (историко-методологический сборник) / Под ред. В. Л. Янина. М., 1976. С. 17–31.

⁸ Куза А. А. Рец.: Русский город (историко-методологический сборник. М., 1976) // Советская археология. 1978. № 4. С. 288–290.

⁹ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 247, 271–272.

¹⁰ Буров В. А. Уличанская община древнего Новгорода по археологическим данным // Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 31.

как ориентирующие определения. Важно также, что концы функционировали не только в городах, но и как сельские территориальные единицы, хотя в таком качестве они изучены слабее городских. Исключение здесь составляет лишь классический новгородский погост Жабна в Деревской пятине, происхождение которого активно дискутируется среди учёных¹¹. Помимо концов подразделениями сельской территории Новгородской земли выступали десятки, перевары, пороги, присуды, рядки; во Псковской земле — заставы и губы¹². Новейший этап изучения сложной административно-территориальной системы Новгородской земли отражён в масштабной статье А. А. Фролова¹³.

В писцовых и переписных книгах обширного Устюжского уезда можно найти сведения о Верхнем конце Комарицкого стана и Нижнем конце волости Юрьев Наволок. В составе административно-территориального деления последнего были также Верхний и Нижний концы Быкокурского стана¹⁴. На севере встречалось и деление рек на низ и верх: например, в сотной 1556 г. на владения Ростовского архиепископа Никандра в Устюжском уезде отмечены — Ухтыга Нижняя, Мошкурья Верхняя¹⁵. Однако в данной статье автор сфокусирует своё внимание только на городских концах Устюга. История его (особенно церковная) была тесно связана с Ростовом, сложными перипетиями борьбы Новгорода и Москвы за Двинские земли и продвижение в Приуралье, а ещё — с условиями ордынского владычества с середины XIII в.

В Летописце Льва Вологодина уже под 1398 и 1438 гг. на Устюге упомянут «град деревянный на посаде в Чёрном Прилуке»¹⁶. В сообщении летописи о пожаре 1 августа 1490 г. на Устюге снова отмечен посад, а в пожарах 1496 и 1503 гг. на нём «погорело много дворов»¹⁷. О росте населения города свидетельствует расширение числа упоминаемых церквей (что отражало формирование церковно-приходской структуры): в 1496 г. Борисоглебской, Прокопьевской, Георгиевской и Кузьмодемьянской; в 1503 г. — Никольской, Христо-Рождественской, Афанасьевской и Варварской¹⁸.

¹¹ Буров В. А. О времени возникновения новгородского погоста Жабна // Российская археология. 1995. С. 44–58.

¹² Греков Б. Д. Новгородский Дом Св. Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). СПб., 1914. Ч. 1. Приложения. С. 13 (Переховский конец), 44 (Ондруев конец), 89–92, 95, 97 и др.

¹³ Фролов А. А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X — начале XVII в. в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география / Отв. ред. И. Г. Коновалова. М., 2013. Т. 1. С. 110–154.

¹⁴ Писцовые книги Русского Севера / Отв. сост. Н. П. Воскобойникова. М., 2001. С. 346–383.

¹⁵ Васильев Ю. С. Сотная с устюжских писцовых книг Ю. И. Александрова-Самсонова на вотчину архиепископа ростовского в Устюжском уезде 1556–1557 гг. // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 371, 374, 376. Архиперейский список с сотной имел печать Никандра, «архиепископа Ростовского, Ярославского и Устюжского» и подпись владычного дьяка Федра Матфеева с. Плишкина.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 131, 132.

¹⁷ Устюжский летописный свод. М.: Л., 1950 (далее — УЛС). С. 98, 100; ПСРЛ. Т. 37. С. 98.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 37. С. 99.

По мере расширения посада сложилось его деление на верхний и нижний концы. В. П. Шильниковская считает церковь св. Леонтия Ростовского древнейшей в Устюге приходской церковью, ставшей центром торгово-ремесленной слободы Верхнего (Леонтьевского) конца¹⁹. Понижение рельефа местности позволяет назвать данный участок «устюжским подолом», рост населения на котором выше по Сухоне затрудняла заболоченная долина. Действительно, места эти в переписной книге Устюжской епархии 1696/97 г. названы «подолом на берегу»²⁰. В поздней (1681–1683 гг.) писцовой книге эта слобода в составе Верхнего конца в налоговом отношении отнесена к Пречистенской сотне (т.е. налоговой единице, возглавляемой выборными сотским и пятидесятским)²¹. Слободами назывались группы приходских дворов данной церкви. Слободы могли употребляться как синонимы и улиц («Улица Песья слобода»)²², и концов. Отмечен Леонтьевский конец в переписной 1710 и ландратской книге Устюга 1717 гг.²³

К Верхнему концу тяготело образовавшееся по мере распашки прилегающей к церкви земли сц. Леонтьевское. Поскольку Леонтьевская церковь находилась вне стен города, к её приходу принадлежали пригородные деревни Жилкина, Золотавцева, Микулина, Шатрова и само сц. Леонтьевское²⁴. Указанная первой дер. Жилкино, вероятно, может быть отождествлена с одноименной деревней, отмеченной в дозорной книге 1619/20 г.²⁵

Документы Леонтьевской церкви, зафиксированные в переписной книге Устюжской епархии 1696/97 г., отразили поземельные сделки, предоставление денег и хлеба горожанам и крестьянам в кредит, поминальные вклады прихожан, которыми являлись крестьяне Леонтьевского сельца и посадские люди Леонтьевской слободы. Вот где органическая связь севернорусского города и деревни уясняется вполне отчётливо! В кратком перечне актов Михайло-Архангельского монастыря по Усольскому у. отмечено 16 крепостей «на деревню-село Леонтьевское да прежних владельцев 20 крепостей»²⁶. Расположение объектов поземельных сделок, отмечалось по разному: 1) на Устюге на посаде; 2) на Устюге у посаду в Леонтьевском конце; 3) на земле у Леонтия Святого; 4) в Леонтьевском конце; 5) за Леонтием Святым; 6) Усольского уезда в Леонтьевском конце.

Первым в литературе проанализировал сделки посадских людей и крестьян на различные земельные участки в Леонтьевском конце краевед В. П. Шляпин, опубликовавший и акты с характерным для них вниманием к пашенной земле,

¹⁹ Шильниковская В. П. Великий Устюг. Развитие архитектуры города до середины XIX в. М., 1987. С. 63.

²⁰ РГАДА. Ф. 236 (Патриарший дворцовый приказ). Оп. 1. Кн. 76. Л. 184.

²¹ Устюг Великий. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883. С. 9, 144.

²² Бысть на Устюзе... С. 193.

²³ Великоустюжский центральный архив (далее – ВЦА). Ф. 1 (Земская посадская изба). Оп. 1. Кн. 1. Л. 4; Кн. 2. Л. 6, 28, 37 об., 56 об. и мн. др.

²⁴ Попов А. М. Леонтьевская церковь в г. Устюге // ВЕВ. 1904. Прибавления к № 20. С. 310.

²⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15039. Л. 219 об.

²⁶ Шляпин В. П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1913. Ч. 2. С. 313.

насеянному хлебу, пожням, «притеребам», вполне сельскому составу дворовых построек. Шляпин справедливо отметил деревенский облик Леонтьевского конца Устюга, сельский образ жизни людей. Он привёл весьма показательную деловую запись четырёх хозяев 1569 г., в которой они договаривались о равном для каждого возведении «огородов» своим земельным полосам «от Леонтия святого до межи половина»²⁷.

Продолжением посада Леонтьевского конца являлась Дымковская слобода на противоположном берегу Сухоны: «... дворы тяглые с Верхнего конца»²⁸. Здесь была холодная церковь вмч. Дмитрия Солунского и стоявшая в поле тёплая Сергия Радонежского, в которой среди книг было отмечено житие Сергия Радонежского²⁹. Эту церковь с пристроенной к ней обширной трапезной В. П. Шильниковская считает законченным типом зимнего храма³⁰. О функционировании прихода здесь свидетельствует старое кладбище. По мнению краеведа А. М. Попова, церковь во имя Дм. Солунского могла быть поставлена ещё в XV в. боровшимся за московский престол галицким кн. Дмитрием Юрьевичем Шемякой. Тот же автор отметил грамоту царя Михаила Фёдоровича этой церкви 1627 г., по которой за ней была закреплена исстари данная ей пашенная земля, освобождённая от налогов³¹.

В писцовой книге 1623–1626 гг. описан ещё и Пятницкий конец, или Нижний посад, название которого произошло от Пятницкой церкви («по конец посаду Нижнего конца»), позднее затопленной бурными разливами Сухоны и перенесённой на более безопасное место в глубь посада. Эта местность заселялась позднее по сравнению с Леонтьевским концом, дворы здесь располагались более скученно (на каждый отводилось не более 4 сажений)³². Центр Пятницкого конца чаще связывался с церковью Симеона Столпника («на Нижнем посаде у Симеона Столпника») ³³, плотно насыщенный различными полянками (расчищенными от леса участками), пожнями (сенокосными угодьями), рыбными ловлями, островками. Наряду с данной церковью в описаниях 1676–1683 гг. как ориентир указывается также и Симоново сельцо³⁴. В. П. Шляпин применительно и к Пятницкому концу также отмечал сильно выраженный сельский облик этой

²⁷ Шляпин В. П. Из истории города Великого Устюга. Ч. 1 (Первоначальное заселение городской площади) // Записки Северо-Двинского общества изучения Северного края. Великий Устюг, 1925. Вып. 1. С. 13. Статья эта с незначительными изменениями была перепечатана в ж. «Север» за 1927 г. и дополнена схемой городской территории.

²⁸ Устюг Великий. Материалы... С. 127.

²⁹ Там же. С. 126.

³⁰ Шильниковская В. П. Великий Устюг. Развитие... С. 114.

³¹ Попов А. М. Дымковская Димитриевская церковь в г. Устюге. Вологда, 1875.

³² Шляпин В. П. Из истории города Великого Устюга. Ч. 3 (Великий Устюг в XVII и начале XVIII в.) // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Великий Устюг, 1926. Вып. 2. С. 13.

³³ Устюг Великий. Материалы... С. 139. Её раннее упоминание относится к 1471 г. (Попов А. М. Церковь преп. Симеона Столпника в г. Устюге // ВЕВ. 1885. Прибавления к № 21. С. 421).

³⁴ Бысть на Устюзе... С. 224–225.

части города³⁵. Как и Леонтьевский, Пятницкий конец отмечен в переписной 1710 и ландратской 1717 гг. книгах Устюга³⁶, причём количественный состав дворов в первом, судя по всему, был более значительным. Рост городской территории на Пятницком конце был попросту невозможен из-за низовьев Сухоны с её сильнейшими ледоходами и разливами.

Помимо селец Пятницкого и Симонова с соответствующими храмами, здесь была ещё Мироносицкая церковь с Мироносицкой улицей, называемой иногда просто Сельцо. Ещё одна улица — Красносельская — вела в наиболее отдалённую от Устюга точку предместья на северо-восток — дер. Кокуй³⁷. Из-за сложного рельефа Устюга, больших пространств леса и болот в нём сообщение между Верхним и Нижним концами в XV в. и входившими в них улицами шло по Сухоне. Так, одного недужного человека из Симеоновской церкви для исцеления доставили в новопоставленную церковь Прокопия Праведного в «маленькой лодченке» (1471 г.)³⁸.

Сельца Леонтьевское и Пятницкое названы куплями вел. кнг. Марии Ярославны в духовной Василия II 1461 г. Затем они фигурируют в докончании Ивана III с кн. Андреем Васильевичем Угличским 1473 г. как переданные ею Андрею³⁹. После лишения кн. Андрея удела в 1493 г. эти сёла вновь могли быть отданы Иваном III во владение великой княгине — в тот момент, скорее всего, Софье Фоминичне (Палеолог). Имеются указания на то, что посельские (дворцовые агенты) с её ведома распоряжались землёй в районе Соли Вычегодской, в административном отношении тяготевшей к Устюгу⁴⁰.

Наблюдается преемственность двухчастной структуры Устюга средневековой эпохи и Нового времени (XVIII–XIX вв.): пространство Леонтьевского (Верхнего) конца соответствовало в XVIII в. первой части города, а Пятницкого (Нижнего) — второй. Ранее упоминание Леонтьевского и Пятницкого концов с относящимся к первому сц. Леонтьевскому, а ко второму — сц. Пятницкому, урочищем Назимковым, Дымковской слободой и несколькими «присельными деревнями» находим в дозорной книге соседнего города Сольвычегодска 1619/20 г, столь тесно они были связаны (ближайшие земельные угодья Устюга включались в территорию именно Усольского уезда)⁴¹. Ориентиры «верхний конец» и «нижний посад» бытовали и в новое время, например, в Летописце

³⁵ Шляпин В. П. Из истории города Великого... Ч. 1. С. 22–23.

³⁶ ВЦА. Ф. 1. Оп. 1. Кн. 1. Л. 261–270; Кн. 2. Л. 248 об., 250 об.

³⁷ Устюг Великий. Материалы... С. 129. Аналогичный пример и на Верхнем посаде: улица и деревня Шергина (Шляпин В. П. Из истории города Великого... Ч. 1. С. 15).

³⁸ Житие святого Праведного Прокопия Устюжского. М., 2003. С. 67, 108.

³⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 70. С. 243, 248.

⁴⁰ В поздней «владенной памяти» Михайло-Архангельского монастыря 1697 г. приводится пересказ льготной грамоты посельского вел. кнг. Софьи К. Микифорова крестьянину (вероятно, дворцовому) Юрке Аврамову на льготное освоение дикого леса на 3 года по р. Нимянде (Шляпин В. П. Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1912. Ч. 1. С. 254).

⁴¹ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Кн. 15039. Л. 220, 222 об., 730.

первого устюжского историка Льва Вологодина, написавшего его в 1765 г.⁴²

Что же касается приходских церквей города, то наличие старых кладбищ при них (они упомянуты в писцовых книгах и в Леонтьевском, и в Пятницком концах) указывает на роль храмов в интеграции духовно-религиозного пространства его жителей. Последующее археологическое обследование прицерковных территорий может расширить такое приоритетное направление современных исследований по археологии, как палеодемография. Проведённые по некоторым приходским церквям Ростова подобные исследования показали пик смертности у жителей города в возрасте 35–39 лет⁴³, т.е. продолжительность жизни у людей той эпохи была очень невелика.

Имея чисто топографический, пространственный характер (подобно московским или серпуховским⁴⁴), устюжские концы (в отличие от новгородских или псковских) не выполняли каких-то особых социально-представительных функций в городе. В грамоте ростовского архиепископа Никандра на Устюг 1554 г. отражена целостность «всей земли Устюжской»: города, посада и околородных станов. Социальная же организация города была представлена духовенством во главе с соборным протопопом, детьми боярскими великого князя, бегоулями (должностными лицами податного аппарата⁴⁵), гостями и торговыми людьми (лучшими, средними и молодшими), выборными земскими целовальниками, старостами, сотскими и десятскими⁴⁶. Никаких сугубо «кончанских» должностных лиц здесь не было. Целостностью отличалась и церковная организация города, включавшая 20 храмов, в том числе Леонтьевский, Пятницкий, Симеоновский и Дмитриевский на Дымковой стороне. Их духовенство (соборные протопопы, священники и дьяконы приходских церквей) на равных участвовали в выборах поповских старост и десятских, что позволяет говорить о несомненной сословной интеграции этой значимой социальной группы⁴⁷.

Церковные наименования устюжских концов не только сближают их со звеньями приходской системы, но и находят аналогию в ряде других городов: например, в Ладогe (Богородский, Никольский, Спасский), Пскове (Богоявленский, Петровский), Смоленске (Пятницкий, Ильинский), да и са-

⁴² ПСРЛ. Т. 37. С. 145 (при описании сильного наводнения в 1761 г.).

⁴³ Бужилова А. П., Медникова М. Б. Палеодемографический анализ по материалам средневековых погребений в Ростовском кремле (предварительные результаты) // СРМ. Ростов, 1998. Вып. 9. С. 13–15; Бужилова А. П., Федосова В. Н. Реконструкция демографической структуры средневекового прихода церкви Бориса и Глеба в Ростове Великом (по антропологическим материалам) // СРМ. Ростов, 1998. Вып. 9. С. 15–18.

⁴⁴ Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов. С. 19.

⁴⁵ О них см.: Аракчеев В. А. Новый источник по истории великокняжеской политики в севернорусских землях в третьей четверти XV в. // Российская история. 2011. № 4. С. 182; Черкасова М. С. Древнейшая ярославская жалованная грамота XIV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Вып. 19. С. 44–45.

⁴⁶ Макарий, архим. Архиепископ Ростовский, Ярославский и Устюжский Никандр // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 2. С. 233.

⁴⁷ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Т. 1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1890. Т. 12. Стб. 1321–1322.

мом Ростове (Борисоглебский, Сретенский — в дополнение к трём другим — Вороницкому, Заровскому и Чудину)⁴⁸. Если Чудин конец упомянут в житии Авраамия Ростовского, то о Заровском позволяет судить фраза в данной вдовой княгини Феодоры Ростовскому Богоявленскому монастырю на с. Спасское, «опричь двух пожен начала 1400-х гг. — Никольской и Заровской»⁴⁹. Вероятно, такое название указывает на крайнее положение этой части города (за крепостным рвом).

В Старой Руссе, согласно приходной книге Софийского дома 1576/77 г. и комплексу дозорных, писцовых и переписных книг XVII в., одни концы имели мирские названия (Емецкий, Рогов, Середка, Песий), другие — церковные (Васильев, Дмитриевский, Егорьевский, Никольский, Ильинский, Пятницкий). Песий конец иногда дается с уточнением: «у Николы Святого на Городке»⁵⁰. Очевидно, что здесь концы вполне соотносимы с обычными церковными приходами. В исходе XV в., как показал И. Ю. Анкудинов, писцовые описания Новгорода и Старой Руссы проводились по концам⁵¹. Аналогично и во Пскове: среди составлявших Петровский конец сотен есть Петровская же и Никольская; в составе сотен Полонищенского конца встречается Воскресенская⁵².

Таким образом, устюжские концы не сопоставимы с новгородскими и не являлись административно-политическими образованиями. Таким, по-видимому, был характер городских концов повсюду за пределами Северо-Западной Руси. Рассмотренные в данной статье источники показывают роль процесса горообразование в земледельческом освоении ближайшей к Устюгу округи, рисуют тесную связь верхнего и нижнего концов Устюга с «отпочковавшимися» от них селами (и вторичное возникновение последних). Этим подчёркиваются вполне ощутимые аграрные черты города, хотя, конечно, он являлся и крупным торгово-промысловым центром на Сухоно-Двинском водном пути. Следует добавить также и однородность (гомогенность) города и прилегающей к нему сельской округи, что, в свою очередь, сказалось на некоторой расплывчатости, аморфности социальных границ в местном обществе, между сословиями горожан и крестьян, делавшее их «устюжанами», жителями «всех Устюжские земли» и приведшее в XVII в. к институту всеуездных земских старост. В связи с проблемой устюжских концов в статье также было показано значение процесса формирования церковно-приходской структуры города.

⁴⁸ *Фадеев Л. А.* Происхождение и роль системы городских концов. С. 19–20.

⁴⁹ *Стрельников С. В.* Грамоты из архивов ростовских монастырей // *Русский дипломатрий*. М., 2001. Вып. 7. С. 10.

⁵⁰ Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV — XVII вв. / Сост. И. Ю. Анкудинов. М., 2009. С. 325, указатель на с. 512; Приходная книга Новгородского дома святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлины») / Сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. М.; СПб., 2011. С. 51.

⁵¹ *Анкудинов И. Ю.* Писцовые описания Новгорода XVI в. // *Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов* / Сост. К. В. Баранов. СПб., 2001. С. 199–200.

⁵² *Суворов Н. С.* Псковское церковное землевладение в XVI–XVII вв. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1905. Ч. 362. С. 236.